

УДК 81'27; 81.33

*Потапова Р. К., Потапов В. В., Комалова Л. Р.***ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИНИМАЕМОГО ПРОСОДИЧЕСКОГО ОБРАЗА «АГРЕССОР»**

Рассматривается вопрос о влиянии пола аудитора (носителя русской лингвокультуры) в процессе слухового восприятия на формируемый просодический образ «АГРЕССОР» у информантов – носителей американской и британской лингвокультур. Результаты перцептивно-слухового эксперимента позволяют сделать вывод о схожести восприятия образа «агрессор» в целом.
Ключевые слова: слуховая перцепция, гендер, агрессия, эмоционально-модальное состояние, американский английский, британский английский, воспринимаемый образ.

Потапова Р. К., Потапов В. В., Комалова Л. Р. Гендерні особливості сприйняття просодичного образу «АГРЕССОР». – Стаття.

Розглядається питання про вплив статі аудиторів (носіїв російської лінгвокультури) в процесі слухового сприйняття на сформований просодичний образ «АГРЕССОР» в інформантів – носіїв американської та британської лінгвокультур. Результати перцептивно-слухового експерименту дозволяють зробити висновок про подібність сприйняття образу «агресор» у цілому.
Ключові слова: слухова перцепція, гендер, агресія, емоційно-модальний стан, американська англійська, британська англійська.

Potapova R. K., Potapov V. V., Komalova L. R. Gender features of the perceived prosodic image of “aggressor”. – Article.
The issue of the impact made by the auditor’s gender features (Russian native speakers) on the perceived image of “AGGRESSOR” (American and British native speakers) through auditory perception is being discussed in the paper. The results of the auditory-perceptual experiment allow postulating a kind of similarity of the perceptive image “aggressor”.
Key words: auditory perception, gender, aggression, emotional-modal state, American English, British English, perceived image.

Введение. Последняя четверть XX века характеризуется усилением интереса к проблемам гендерологии в целом и гендерной специфики в лингвистических исследованиях в частности [4; 5; 6; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 29; 30; 32]. Вместе с тем интерес к гендерной проблематике обуславливается не только спецификой конечного речевого продукта мужчин и женщин, но и размыванием границ между «мужским» и «женским», стиранием в ряде случаев дифференциальных признаков мужественности и женственности и, как следствие, экзистенциальным кризисом идентичности, порождающим такое явление современности, как трансгендерность¹ (транссексуальность).

«Гендер² по своей сути не является лингвистической категорией, однако его содержание в значительной степени раскрывается через анализ языка и речевого поведения индивида» [13, с. 80]. Развитие лингвистических изысканий в данной области мотивировано в первую очередь потребностью в фундаментальном знании для решения прикладных задач. Например, необходимость изучения фонетических характеристик русской речи,

реализованной мужскими и женскими голосами, определяется потребностью разработки систем автоматического распознавания и синтеза звучащей речи. Известно, что во всех экспериментах по распознаванию речи результаты работы системы были значительно лучше для операторов-мужчин, чем для операторов-женщин [30, с. 212].

Исследователи английского языка отмечают, что одной из характерных черт женской речи является использование оценочных прилагательных [34; 41; 43]; женщины используют чаще модальные глаголы в прошедшем времени [35]; в женской речи значительно чаще присутствуют вводные слова и словосочетания, выражающие различную степень уверенности говорящего, ссылки на собственное или какое-либо другое мнение [36]. В силу более вежливого характера своей речи женщины используют средства так называемой двойной модальности (модальный глагол + наречие) [44]. В речи мужчин часто можно встретить сложный, запутанный, «рваный» синтаксис (гипотаксис) [37], женщинам, напротив, свойственен паратаксис [50]. Многие авторы отмечают дифференциацию женских и мужских ассоциаций [33; 38; 40; 42].

¹ Медицинский термин, обозначающий состояние рассогласования между биологическим полом и социальным полом, с одной стороны, и психическим полом индивида, или его гендерной идентичностью, – с другой. Такое состояние рассогласования между физическим полом и внутренней самоидентификацией порождает у индивида тяжелый психический дискомфорт, называемый гендерной дисфорией, часто сопровождающийся депрессией, которая может привести к самоубийству [39].

² «Понятие «гендер» введено для того, чтобы провести границу между понятием «биологический пол» (sexus) и социальным и культурным содержанием, вкладываемым в оппозицию «мужское / женское»: разделение ролей, культурные традиции, отношения доминирования – подчинения. В отличие от категории sexus гендерный статус, гендерная иерархия и гендерно обусловленные модели поведения задаются не природой, а конструируются обществом, предписываются институтами социального контроля и культурными традициями, они особым образом структурируют отношения между говорящими» [13, с. 80].

При сопоставлении интонации мужских и женских голосов особое внимание исследователи обращают на такое явление, как большая эмоциональность женской речи по сравнению с мужской. При этом удалось зафиксировать, что:

– женской эмоциональной речи свойственна в большей степени просодическая экспрессия, тогда как для мужской эмоциональной речи более характерна лексическая экспрессия [2];

– перцептивно женская речь ассоциируется с впечатлением большего разнообразия, вариативности за счет изрезанности мелодического рисунка [30, с. 207];

– смещение спектра мужского голоса в области более высоких резонансных частот ведет к позитивной оценке: активность, четкость; дальнейшее же возрастание высокочастотных составляющих оценивается негативно как «холодное звучание», «женоподобность» [30, с. 198].

Интерес представляют исследования дискурсивных особенностей речи мужчин и женщин в разных коммуникативных ситуациях [1; 14].

В связи с прикладными задачами экспертной фоноскопии при проведении криминалистической экспертизы и определении «портрета» говорящего наряду с установлением диалекта, социолекта и идиолекта следует принимать во внимание также сексолект³ [24; 25; 26; 30].

1. *Базовый сексолект* применительно к принадлежности к исходному физиологическому / биологическому полу характеризуется набором специфических речевых (фонационных, артикуляционных, перцептивно-слуховых и акустических) коррелятов.

2. *Производный сексолект* применительно к имитируемому полу: а) получен с помощью специальных программных и аппаратно-программных средств (техническая имитация); б) путем естественного подражания (ситуативно обусловленная естественная имитация); в) посредством фактуальной физиологической переориентации (изменение пола вследствие наличия, например, дисфории гендера).

Задача идентификации гендерной принадлежности говорящего усложняется также и тем, что существует ряд клинических нюансов, искажающих половое отождествление субъекта, например, транссексуализм, транвестизм, псевдотранссексуализм, гомосексуализм, интерсексуализм [24, с. 132–133]. Результаты акустического анализа голоса испытуемых, идентифицируемых по одному из вышеперечисленных типов сексолекта, свидетельствуют о том, что ведущим параметром является не частота основного тона голоса, воспринимаемая на слуховом уровне как высота голоса и ее модификации, а формантная структура

речевого сигнала, воспринимаемая как тембр голоса. Кроме этого, большую роль играют просодические конфигурации, реализуемые в рамках целостного речевого высказывания [24, с. 132–133].

Наряду с задачей установления личности говорящего на основе слухового опознания (voice line up) [48] интересным представляется идентификация эмоционального / эмоционально-модального состояния говорящего по его голосу и речи [10; 27; 30; 45; 46; 47].

Методика проведения эксперимента. Настоящую работу следует отнести к числу экспериментальных исследований оппозиции «маскулинность – фемининность» применительно к образу «агрессор» на основе перцептивно-слухового впечатления реципиентов.

Цель исследования заключалась в выявлении дифференциальных просодических признаков образов «агрессор-мужчина» и «агрессор-женщина», реконструируемых аудиторами в ходе перцептивно-слухового эксперимента, суть которого заключалась в качественной оценке группой аудиторов речевого материала по перечню заданных просодических характеристик.

В группу испытуемых входили 56 аудиторов (43 женщины и 13 мужчин) – носителей русского языка в возрасте от 19 до 23 лет. Экспериментальный материал включал предъявляемый аудиторами корпус аутентичных образцов монологической речи (n=40) говорящих, воспринимаемых как агрессор: информанты-мужчины – носители американского варианта английского языка (n=10); информанты-женщины – носители американского варианта английского языка (n=10); информанты-мужчины – носители британского варианта английского языка (n=10); информанты-женщины – носители британского варианта английского языка (n=10).

После прослушивания каждой фонограммы необходимое количество раз испытуемым предлагалось ответить на вопросы специальных анкет (по методике перцептивно-слухового анализа, разработанной Р.К. Потаповой [49]). Задания выполнялись строго индивидуально.

Результаты экспериментального исследования. Коммуникативно-речевое поведение информантов, зафиксированное на всех анализируемых фонограммах, испытуемые охарактеризовали как наступательный вид агрессии, направленный на другого партнера по коммуникации, имеющий деструктивный характер и являющийся осознанным [11].

Было выявлено, что формируемый на слуховом уровне просодический образ «агрессор» (в условиях моноаудиального прослушивания) определяется как комплекс эмоциональных / эмоционально-модальных состояний говорящего, ассоциируемых реципиентом с состоянием «агрессия» [46; 47]. Из

3 Термин, введенный впервые Р.К. Потаповой.

Таблица 1

**Перцептивно-слуховые особенности голоса воспринимаемого образа «агрессор»
(средние нормированные значения)**

Воспринимаемые характеристики	Шкала и оценка	Американский английский				Британский английский			
		Ж ⁴ аудиторы		М аудиторы		Ж аудиторы		М аудиторы	
		Ж инф.	М инф.	Ж инф.	М инф.	Ж инф.	М инф.	Ж инф.	М инф.
Высота голоса	низкая	0,10	0,28	0,08	0,31	0,07	0,28	0,15	0,23
	средняя	0,65	0,56	0,54	0,54	0,49	0,56	0,46	0,62
	высокая	0,26	0,16	0,38	0,15	0,44	0,19	0,38	0,08
Сила голоса	слабая	0,11	0,05	0,08	0,08	0,21	0,02	0,15	0,00
	средняя	0,53	0,35	0,62	0,38	0,44	0,53	0,54	0,54
	сильная	0,35	0,60	0,31	0,54	0,35	0,44	0,23	0,38
Окраска голоса (тембр) – на материале оппозиций	звонкий	0,53	0,26	0,46	0,15	0,44	0,37	0,38	0,23
	глухой	0,26	0,40	0,15	0,31	0,23	0,42	0,15	0,31
	чистый	0,40	0,19	0,31	0,08	0,42	0,33	0,31	0,31
	хриплый	0,28	0,47	0,23	0,46	0,30	0,42	0,23	0,38
	певучий	0,26	0,07	0,08	0,08	0,28	0,14	0,15	0,15
	резкий	0,42	0,49	0,46	0,46	0,33	0,56	0,31	0,38
	мягкий	0,33	0,09	0,23	0,08	0,33	0,12	0,23	0,15
	грубый	0,28	0,42	0,23	0,23	0,28	0,56	0,15	0,31
	приятный	0,26	0,14	0,15	0,15	0,23	0,16	0,15	0,15
	неприятный	0,33	0,35	0,23	0,15	0,37	0,49	0,23	0,23

Таблица 2

**Перцептивно-слуховые особенности речи воспринимаемого образа «агрессор»
(средние нормированные значения)**

Воспринимаемые характеристики	Шкала и оценка	Американский английский				Британский английский			
		Ж аудиторы		М аудиторы		Ж аудиторы		М аудиторы	
		Ж инф.	М инф.	Ж инф.	М инф.	Ж инф.	М инф.	Ж инф.	М инф.
Мелодика	плавная	0,28	0,14	0,31	0,15	0,40	0,42	0,38	0,38
	скачкообразная	0,67	0,81	0,69	0,77	0,56	0,56	0,38	0,46
	монотонная	0,06	0,05	0,08	0,08	0,07	0,02	0,08	0,08
Темп	медленный	0,03	0,05	0,00	0,08	0,14	0,09	0,08	0,15
	средний	0,44	0,53	0,46	0,62	0,56	0,53	0,62	0,62
	быстрый	0,51	0,42	0,54	0,38	0,30	0,37	0,23	0,31
Ритм	четкий	0,60	0,65	0,77	0,69	0,63	0,63	0,77	0,77
	нечеткий	0,40	0,35	0,23	0,31	0,33	0,35	0,23	0,23
Паузы	длинные	0,05	0,12	0,02	0,08	0,00	0,02	0,08	0,08
	короткие	0,63	0,56	0,69	0,62	0,58	0,49	0,54	0,54
	средние	0,20	0,28	0,23	0,23	0,35	0,44	0,31	0,31
	хезитации	0,11	0,05	0,08	0,08	0,05	0,05	0,08	0,02
Дыхание	нормальное	0,51	0,42	0,77	0,62	0,44	0,56	0,69	0,69
	прерывистое	0,33	0,42	0,15	0,31	0,35	0,33	0,23	0,15
	дискомфортное	0,18	0,16	0,15	0,15	0,21	0,12	0,08	0,08
Приоритет	просодия	0,60	0,56	0,69	0,54	0,53	0,63	0,54	0,54
	вербалика	0,37	0,37	0,08	0,23	0,47	0,37	0,23	0,31
	оба параметра	0,16	0,19	0,15	0,23	0,16	0,16	0,15	0,15

⁴ Условные обозначения: Ж аудиторы – женщины-испытуемые, М аудиторы – мужчины-испытуемые; Ж инф. – женщины-информанты, М инф. – мужчины-информанты.

предложенных номинаций, описывающих наиболее точно ведущее эмоциональное / эмоционально-модальное состояние воспринимаемого на слух образа «агрессор», следует отметить *негодование, гнев, ярость, обиду*, которые получили наибольшее число оценок.

Согласно оценкам испытуемых, эмоционально-модальное состояние «негодование» проявляется у информантов-мужчин и информантов-женщин в равной мере, в то время как мужчины более склонны к проявлению гнева и ярости, а женщины склонны испытывать обиду. Проведенный анализ количественных показателей по таким номинациям, как *обида, ненависть*, характеризующим скорее аутоагрессию [11], показал, что эмоционально-модальные состояния комплекса «агрессия» у информантов-мужчин более выражены в экстравертном ключе, чем у информантов-женщин.

Воспринимаемые просодические образы «агрессор-мужчина» и «агрессор-женщина» имеют ряд схожих характеристик. Скачкообразная мелодика (изрезанность мелодического контура), минимальная длительность пауз, преобладание отрицательных тембральных оттенков голоса (голос резкий, грубый, неприятный) в сочетании с оценкой речевого поведения говорящего как «наступательный вид агрессии» в комплексе с целым набором отрицательных эмоциональных / эмоционально-модальных состояний средней / высокой интенсивности характеризуются как *обобщенный (стереотипный) перцептивно-слуховой просодический и тембральный образ «агрессор»* [9] (табл. 1–2).

Проверка числовых значений каждой характеристики на статистическую значимость [31] подтвердила их валидность.

На основе данных проведенного перцептивно-слухового анализа речевого материала удалось выявить следующие воспринимаемые просодические образы (далее – ВПО) «агрессор-мужчина» и «агрессор-женщина» [8]:

– ВПО «агрессор-женщина – носитель американского варианта английского языка» на пике актуализации эмоционально-модального комплекса «агрессия» осознается реципиентами как проявляющийся наступательный вид агрессии, включающий сильные отрицательные эмоции ярости, гнева, ненависти в сочетании с отрицательными эмоционально-модальными состояниями (далее – ЭМС) негодования и обиды. Динамические показатели голоса не отклоняются от средних значений. Мелодический рисунок речи скачкообразный. Темп речи быстрый. Ритм четкий. Речевые паузы короткие. Речевое дыхание нормальное. Тембр голоса характеризуется преобладанием положительных оттенков (голос звонкий, чистый, мягкий).

– ВПО «агрессор-мужчина – носитель американского варианта английского языка» при переходе от эскалации к пику эмоционально-модального

комплекса «агрессия» осознается реципиентами как проявляющийся наступательный вид агрессии, включающий сильные отрицательные эмоции гнева и ярости в сочетании с отрицательным ЭМС негодования. Показатели высоты голоса на среднем уровне, отмечается значительная сила голоса. Мелодический рисунок речи скачкообразный. Ритм четкий. Темп умеренно-средний. Речевые паузы минимальной длительности. Речевое дыхание нормальное. В окраске голоса отмечены только отрицательные тембральные оттенки (голос глухой, хриплый, резкий, грубый, неприятный).

– ВПО «агрессор-женщина – носитель британского варианта английского языка» на этапе эскалации эмоционально-модального комплекса «агрессия» осознается реципиентами как проявляющийся наступательный вид агрессии, включающий сильную отрицательную эмоцию ярости в сочетании с отрицательными ЭМС негодования и обиды. Динамические показатели голоса на среднем уровне. Мелодика речи скачкообразная. Ритм четкий. Темп умеренно-средний. Паузы минимальные. Дыхание нормальное. В голосе преобладают положительные тембральные оттенки (голос звонкий, чистый, мягкий).

– ВПО «агрессор-мужчина – носитель британского варианта английского языка» на этапе эскалации эмоционально-модального комплекса «агрессия» осознается реципиентами как проявляющийся наступательный вид агрессии, включающий сильные отрицательные эмоции гнева и ярости в сочетании с отрицательным ЭМС негодования. Динамические показатели голоса не отклоняются от среднего уровня. Мелодический рисунок речи скачкообразный. Ритм четкий. Темп умеренно-средний. Паузы короткие. Дыхание нормальное. В окраске голоса отмечаются исключительно отрицательные тембральные оттенки (голос глухой, хриплый, резкий, грубый, неприятный).

Скачкообразный мелодический рисунок речи информантов характеризует состояние эмоционального дисбаланса, смешанных чувств. Можно предположить, что *четкий ритм речи* свидетельствует об уверенности говорящего в содержании и форме сообщаемого, стремлении донести до реципиента смысл сообщения в полном объеме, о воздействующем характере речи, что соотносится с интенцией наступательного вида агрессии – навязать адресату свою позицию / точку зрения.

Наличие *пауз минимальной длительности* свидетельствует о доминирующем статусе говорящего, не дающем реципиенту возможность высказать свое мнение, обдумать свой ответ. Подобная речь в описываемых коммуникативных условиях вынуждает реципиента сконцентрировать всё свое внимание только на воспринимаемом и оставаться на позиции объекта («жертвы агрессии»).

Дыхание в воспринимаемом образе «агрессор» в основном характеризуется как *нормальное*, что

говорит об относительно уравновешенном эмоциональном состоянии [3; 12] и коррелирует с оценкой осознанности (а значит, намеренности) агрессивных действий говорящего. *Прерывистость* дыхания может указывать на его форсирование через суженную гортань, что рассматривается также как «жест агрессивности / отрицательной аксиологической оценки» (по С.В. Кодзасову).

Голос в воспринимаемом перцептивном образе «агрессор» характеризуется преобладанием *отрицательных тембральных оттенков* (глухость, хрипоты, резкость, грубость, неприятность). Согласно Р.К. Потаповой и В.В. Потапову, «сипловатый, хрипловатый тип фонации может сигнализировать применительно ко многим культурам о глубоко переживаемых чувствах. Резкое падение основного тона голоса при наличии скрипуче-хриплой фонации сигнализирует в коммуникации русских и англичан о стремлении к тому, чтобы унизить партнера по коммуникации, сделать ему больно, дискредитировать его в глазах других» [28, с. 297]. С.В. Кодзасов, рассматривая просодические техники экспрессивной интеракции и их функции, указывает на то, что скрипучий голос является жестом отрицательной оценки [7, с. 196] коммуникативной ситуации / речевого сообщения / партнера по коммуникации.

Следует также отметить, что при оценке эмоционально-модальных состояний комплекса «агрессия» в анализируемом языковом материале испытуемые в большей степени опираются на просодические (паравербальные) параметры, чем на языковые (вербальные).

Заключение. При исследовании феномена «агрессия» наряду с механизмами реализации агрессивного поведения (когнитивно-коммуникативно-поведенческих паттернов субъекта агрессии – агрессора) следует учитывать восприятие всех субъектов коммуникативного акта агрессии: агрессора, жертвы и третьих лиц [27]. Сконструированные в ходе эксперимента воспринимаемые слуховые образы «агрессор-мужчина» и «агрессор-женщина»

подтверждают гипотезу о негативном характере эмоционального / эмоционально-модального фона коммуникативного акта «агрессия». С нашей точки зрения, фемининный и маскулинный образы «агрессор-мужчина» и «агрессор-женщина» объясняются, прежде всего, стереотипным ожиданием (прогнозированием) агрессивных действий скорее со стороны мужчины, чем со стороны женщины, что обуславливает большую воспринимаемую выраженность отрицательных тембральных оттенков голоса и тенденции к усилению голоса воспринимаемого образа «агрессор-мужчина». Та же закономерность, вероятно, проявляется в отношении гендерных особенностей восприятия говорящего противоположного с реципиентом пола. Женщины-испытуемые приписывают образу «агрессор-мужчина» просодические признаки, создающие воспринимаемый образ более сильного, более уверенного в своих действиях субъекта. Женщины-испытуемые воспринимают голос информантов в образе «агрессор-мужчина» как более сильный по сравнению с силой голоса информантов в образе «агрессор-женщина», а речевые паузы в образе «агрессор-мужчина» – как более длительные. Напротив, мужчины-испытуемые воспринимают голос информантов в образе «агрессор-женщина» как более высокий по сравнению с голосом информантов в образе «агрессор-мужчина». Женщины воспринимают речевой ритм информантов в образе «агрессор (мужчина и женщина)» как четкий. Мужчины же воспринимают речевой ритм информантов как нечеткий.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о специфике восприятия эмоционально окрашенной речи испытуемыми, различающимися по гендерному цензу (признаку). Воспринимаемая просодия интерпретировалась в ряде случаев по-разному для сопоставляемых групп испытуемых (в данном случае – аудиторов). Значительную роль при этом может играть психологическая установка на описание образа «агрессор», имеющая свою специфику на когнитивном уровне.

Литература

1. Артюхова А.А. Немецкий митинговый дискурс: Риторика и просодия / А.А. Артюхова. – Одесса : Феникс, 2016. – 166 с.
2. Земская Е.А. Особенности мужской и женской речи / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русский язык в его функционировании : Коммуникативно-прагматический аспект / Под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. – М., 1993. – С. 90–135.
3. Златоустова Л.В. Некоторые замечания о речевом дыхании / Л.В. Златоустова // Исследования по речевой информации / Под общ. ред. В.А. Звегинцева. – М., 1968. – Вып. 2. – С. 66–71.
4. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М., 1999. – 155 с.
5. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации / А.В. Кирилина. – М. : РОССПЭН, 2004. – 252 с.
6. Кирилина А.В. Лингвистическая гендерология / А.В. Кирилина // Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. – М. : Информация XXI век, 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.owl.ru/gender/108.htm>.
7. Кодзасов С.В. Исследования в области русской просодии / С.В. Кодзасов. – М. : Языки славянских культур, 2009. – 496 с.
8. Комалова Л.Р. Агрессогенный дискурс: Типология мультилингвальной вербализации агрессии : [монография] / Л.Р. Комалова. – М. : Спутник +, 2017. – 275 с.
9. Комалова Л.Р. Перцептивно-слуховой профиль (образ) агрессора / Л.Р. Комалова // События в коммуникации и когнитии. Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; Вып. 7 (746). (Сер. Языкознание и литературоведение). – М. : МГЛУ, 2016. – С. 114–126.
10. Комалова Л.Р. Типология мультилингвальной вербализации эмоционального состояния «агрессия» (на материале разносистемных данных корпусной лингвистики) : дисс. ... д-ра филол. наук / Л.Р. Комалова. – М., 2016. – 348 с.

11. Комалова Л.Р. Язык и речевая агрессия: Аналитический обзор / Л.Р. Комалова. – М. : ИНИОН РАН, 2015. – 75 с.
12. Кривнова О.Ф. Фактор речевого дыхания в интонационно-паузальном членении речи / О.Ф. Кривнова // Лингвистическая полифония. – М. : Языки славянской культуры, 2007. – С. 424–444.
13. Кузнецов А.М. Язык сквозь призму гендерологии / А.М. Кузнецов // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты : Ежегодник : Языки меняющегося мира : Контакты и конфликты. – М. : ИНИОН РАН, 2013. – С. 79–95.
14. Петлюченко Н.В. Харизматика: Мовна особистість і дискурс / Н.В. Петлюченко. – Одеса : Астропринт, 2009. – 458 с.
15. Потапов В.В. Динамика и статика речевого ритма: Сравнительное исследование на материале славянских и германских языков / В.В. Потапов. – 3-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2016. – 344 с.
16. Потапов В.В. Дифференциация русской звучащей речи с учетом гендерного фактора / В.В. Потапов // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – М. : МГУ, 2002. – № 6. – С. 70–79.
17. Потапов В.В. К динамике становления вербального ритма / В.В. Потапов // Вопросы языкознания. – М., 1999. – № 2. – С. 58–70.
18. Потапов В.В. Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии / В.В. Потапов // Вопросы языкознания. – М., 2002. – № 1. – С. 103–130.
19. Потапов В.В. Попытка пересмотра гендерного признака в английском языке / В.В. Потапов // Гендер как интрига. – М. : Рудомино, 2000. – С. 151–167.
20. Потапов В.В. Проблемы гендерологии с позиции межкультурной коммуникации / В.В. Потапов // Материалы II Международ. конгр. исследователей русс. языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». – М. : МГУ, 2004. – С. 138.
21. Потапов В.В. Современное состояние гендерных исследований в англоязычных странах / В.В. Потапов // Гендер как интрига познания. Альманах. Пилотный выпуск. Серия: Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. – М. : Рудомино, 2002. – С. 94–117.
22. Потапов В.В. Фонетические гендерные признаки русской разговорной речи / В.В. Потапов // Wiener Slawistischer Almanach: Gender-Forschung in der Slawistik. – Wien : Sonderband, 2002. – Vol. 55. – S. 201–210.
23. Потапов В.В. Язык женщин и мужчин: фонетическая дифференциация / В.В. Потапов // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. – М., 1997. – Т. 56. – № 3. – С. 52–62.
24. Потапова Р.К. Некоторые наблюдения над искусственно модифицированной речью / Р.К. Потапова // Идеи и методы экспериментального изучения речи. – СПб. : СПбГУ – Институт физиологии им. И.П. Павлова РАН, 2008. – С. 124–134.
25. Потапова Р.К. Полиаспектность определения сексолекта в криминалистике / Р.К. Потапова // XX сессия Российского акустического общества. – М. : GEOS, 2008. – Т. 3. Акустика речи. Медицинская и биологическая акустика. – С. 5–7.
26. Потапова Р.К. Сексолект как комплексное гендерное понятие (об усложненном характере задачи определения сексолекта в судебной фонетике) / Р.К. Потапова // Материалы X Международ. конф. «Информатизация правоохранительных систем». – М. : Академия управления МВД, 2001. – С. 314–320.
27. Потапова Р.К. Гендерно-обусловленное восприятие вербальной реализации эмоционального состояния агрессии / Р.К. Потапова, Л.Р. Комалова // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты: Ежегодник: Человек ощущающий: Перцепция в современном гуманитарном знании. – М. : ИНИОН РАН, 2015. – С. 169–180.
28. Потапова Р.К. Речевая коммуникация: От звука к высказыванию / Р.К. Потапова, В.В. Потапов. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 464 с.
29. Потапова Р.К. Семантическое поле «наркотики»: Дискурс как объект прикладной лингвистики / Р.К. Потапова, В.В. Потапов. – М. : УРСС, 2004. – 192 с.
30. Потапова Р.К. Язык, речь, личность / Р.К. Потапова, В.В. Потапов. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
31. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии / Е.В. Сидоренко. – СПб. : Социально-психологический центр, 1996. – 352 с.
32. Халева И.И. Предисловие / И.И. Халева // Гендер как интрига познания. – М. : МГЛУ, 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.owl.ru/library/002t.html>.
33. Bojarska K. Responding to lexical stimuli with gender associations: a cognitive-cultural modal / K. Bojarska // Journal of Language and Social Psychology. – SAGE publication, 2012. – No 32 (1). – P. 46–61.
34. Eckes Th. Features of men. Features of women: assessing stereotypic beliefs about gender subtypes / Th. Eckes // British Journal of Social Psychology, 1994. – No 33. – P. 107–123.
35. Gender and discourse: the power of talk. – Norwood, Abux, 1988.
36. Holmes J. Functions of YOU KNOW in women's speech / J. Holmes // Language in society, 1986. – No 15. – P. 1–22.
37. Jespersen O. Language: its nature, development and origin / O. Jespersen. – London, Allen and Unwin, 1922. – 460 p.
38. John-Steiner V. Women's verbal images and associations / V. John-Steiner, P. Irvine. – Chicago Press, 1989.
39. Lothstein L.M. The aging gender dysphoria (transsexual) patient / L.M. Lothstein // Arch Sex Behavior, 1979. – No 8 (5). – P. 431–444.
40. Marshall G.R. Associative indices as measures of word relatedness: summary and comparison of ten methods / G.R. Marshall, Ch.N. Cofer // Journal of verbal learning and verbal behavior, 1963. – Vol. 6. – P. 408–421.
41. Moulton J. Sex bias in language use: "natural" pronounce that aren't / J. Moulton, G.M. Robinson, C. Elias // American psychologist, 1978. – No 33. – P. 1032–1036.
42. Nichols P. Black women in the rural south: conservative and innovative / P. Nichols // Dubois B.L., Crouch I. (eds.). The sociology of the languages of American women. Papers in South-West English. – San Antonio, Trinity University, 1979.
43. Nichols P. Women in their speech communities / P. Nichols // McConnell-Ginet et. al. Women and language in literature and society. – New York, 1980, P. 140–149.
44. Oakley A. Sex, gender and society / A. Oakley. – Melbourne, Sun Books, 1972.
45. Potapova R.K. The identification of emotions on the basis of prosodic features / R.K. Potapova // Proceedings of the VIIth Annual Congress of the IAFP. – Orlando, USA, 1995.
46. Potapova R., Komalova L. Auditory-perceptual recognition of the emotional state of aggression / A. Ronzhin, R. Potapova, N. Fakotakis (Eds.): SPECOM 2015, LNAI 9319. – Springer International Publishing Switzerland, 2015. – P. 89–95.
47. Potapova R., Komalova L. Multimodal perception of aggressive verbal behavior / A. Ronzhin, R. Potapova, G. Németh. (Eds.): SPECOM 2016, LNAI 9811. – Springer International Publishing Switzerland, 2016. – P. 499–506.
48. Potapova R., Potapov V. Associative mechanism of foreign spoken language perception (forensic phonetic aspect) / A. Ronzhin, R. Potapova, V. Delič (eds.). SPECOM 2014. LNAI 8773. Springer International Publishing Switzerland, 2014. – P. 113–122.
49. Potapova R.K. Kommunikative Sprechfähigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich. Köln; Weimar; Wien / R.K. Potapova, V.V. Potapov. – Böhlau Verlag, 2011. – 312 S.
50. Smith P.M. Language, the sexes and society / P.M. Smith. – Oxford : Basil Blackwell, 1985.